

УДК 291.212 (470.67)

Р.И. Сефербеков

Синкретизм мифологического и исламского в религиозных верованиях андийцев¹

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; ruslan-seferbekov@rambler.ru

Статья посвящена описанию реликтов домонотеистических верований в традиционной духовной культуре андийцев. Одним из их компонентов является вера в мифологические персонажи бывшего пантеона и пандемониума. Несмотря на то, что в духовной культуре андийцев доминируют исламская идеология и культура, наличие таких верований придает ей синкретический характер, образуя так называемый «народный ислам».

Ключевые слова: *андийцы, ислам, божества, демоны, обряды, обычаи, верования, магия.*

The article describes the relics to the before monotheistic belief in the traditional spiritual culture Andians. One of the components of such beliefs is the belief in the mythological characters of the past pantheon and pandemonium. Despite the fact that in the spiritual culture Andians dominant Islamic ideology and culture, the presence of such beliefs, resist, give it a syncretic character, forming a so-called «folk Islam».

Keywords: *Andians, islam, god, demons, rituals, customs, beliefs, magic.*

Несмотря на то, что андийцы исповедуют мусульманскую религию вот уже несколько столетий (исламизация андийцев относится к XIII–XV вв.) [3, с. 31–32], в их традиционной духовной культуре сохранились следы домонотеистических верований. Источниками этих верований служат мифы, обычаи, обряды, праздники, жанры фольклора, лексика и фразеология. Определенное место в духовной культуре занимали пережитки домонотеистических верований, которые проявлялись, например, в календарных и аграрных праздниках, обрядах вызывания дождя и солнца, родильных и свадебных обрядах, обычаях взаимопомощи, гостеприимства и куначества. К реликтам этих верований относится вера в мифологические персонажи бывшего языческого пантеона и пандемониума. Причины сохранения отголосков ранних форм религий в традиционной духовной культуре андийцев, на наш взгляд, кроются в устойчивости традиций, авторитете старейшин (главные носители традиций), особенностях их менталитета. Определенную лепту в сохранение реликтов прежних форм верований внесла, как это ни странно, мусульманская религия, которая на первых порах была воспринята горцами поверхностно. Мусульманство поглотило или законсервировало многие языческие культы и верования, придав им синкретический характер так называемого «народного ислама». Подобная трактовка ислама встречается в наше время ожесточенное сопротивление религиозных экстремистов, ратующих за возврат к «чистому», ортодоксальному исламу.

Наиболее зримо реликты ранних форм религии проявляются в мифологии андийцев.

Наиболее древними божествами андийцев были персонифицируемые небо, небесные светила и атмосферные явления. Небо («решино») почиталось андийцами, свидетельством чему является клятва «Решин хьичІало» («Клянусь небом») (с. Кванхидатль). Стрелять в небо – грех. Сохранились представления о том, что Вселенная состоит из 7 небес и 7 земель (с. Гагатли).

Солнце (*милъи*) и луна (*борцІи*) также почитались и персонифицировались соответственно в образах девушки и юноши. С ними сравнивали их красоту. О красивой девушке говорили, что у нее «полумесяцем брови» (*борцІихаб кІенцол*), а симпатичного и обаятельного юношу называли «милъихаб хонхол» (солнцеликий) (с. Кванхидатль).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

Мать ласково называла своих детей: мальчика – «диб порцИи» (мой месяц), девочку – «дий милъи» (мое солнышко) (с. Зило).

С этими светилами были связаны и некоторые приметы, косвенно определяющие пол персонифицируемых солнца и луны. Так, если беременной во сне приснится солнце, значит, родится девочка, а если луна – мальчик. Если же во сне приснится, что луна упадет на дом – к смерти хозяина дома (с. Зило). В полнолуние считалось греховным пристально смотреть на луну – «она стесняется» (с. Зило, Кванхидатль). Затмения солнца и луны расценивали как Божью кару, насылаемую за людские грехи.

Такие же представления сохранились об атмосферных явлениях – громе и молнии. Андийцы считали, что гром (*гъугъудир*) – это шум, издаваемый колесами небесной колесницы Всевышнего, а молния (*нири*) – это свет, которым Он озаряет дорогу путникам ночью. Молния расценивалась в народе как доброе предзнаменование. Заслышав первый весенний гром, люди старались потереться спиной об угол дома в надежде, что в предстоящем году не будет болеть спина (с. Кванхидатль).

Несмотря на то, что молния расценивалась как благое явление, в народных верованиях она была тем оружием, которым Всевышний карал грешников. Это видно из проклятия: «Дула сунир баходо!» («Чтобы тебя поразило молнией») (с. Анди). Сохранились представления о том, что разозлившись на грешников, Всевышний бросал в них огненные топоры – молнии (с. Зило). В то же время считали, что человек, убитый молнией, приравнивается к *шагьиду* («воитель, павший за мусульманскую веру») (с. Зило, Кванхидатль) и попадет в рай (с. Зило).

В народе существовала вера, что в том месте, куда ударила молния, будто бы можно найти железо (с. Зило), золото и серебро (с. Анди). У андийцев человека, пораженного молнией, чтобы спасти от действия грозового удара, закапывали в землю.

Верховным божеством пантеона андийцев был *Цоб*. Этот теоним широко представлен в их лексике и фразеологии. Так, андийские женщины в подтверждение своих слов клянутся «Цобололо» (основа слова – *цоб*; *бололо* – суффикс, характерный в андийском языке для клятв). Эта клятва имела в прошлом то же значение и частоту применения, что и русское разговорное выражение «Ей богу!». Андийские женщины сопровождают свою просьбу (как русские, словами «Ради бога») выражениями «Цобохъи!» («Ради Цоба!») или «Цобохъи-Аллагъишхъи чІчалол!» («Ради Цоб-Аллаха!»), в которых присутствует в качестве основы тот же теоним *Цоб*, причем во втором выражении *Цоб* отождествлен с *Аллахом* [2, с. 67–71].

В лексике и фразеологии андийцев сохранились и другие подобные выражения. Так, у них довольно популярна фраза «Цободи элтабор» («Если *Цоб* позволит [то это случится]»), клятва «Цобор цЦелоло!» («Клянусь именем Цоба!»), проклятье – «Цобор наГлана бигъодо!» («Пусть тебя покарает *Цоб*!») (следует отметить, что в соответствии с канонами ислама клясться можно только именем Аллаха). После принятия мусульманской религии андийцами и другими дагестанцами теоним *Цоб* трансформировался в понятие «Божья милость», что фиксируется в благопожелании – «Аллагъишти *Цоб* билъотІоно бисикІа!» («Пусть Аллах пошлет на вас свою милость!») и проклятии – «Аллагъишуб *Цоб* чІуку маІрумлъитІоно мен» («Чтобы Аллах лишил тебя милости!») (с. Кванхидатль).

В соответствии с верованиями андийцев местом обитания *Цоба* была гора Бахарган [1, с. 36–42]. Она расположена в 3 км к востоку от с. Анди. Здесь между скалами имеется расщелина, по которой не могут пройти грешники. Гора является местом поклонения («зиярат») жителей окрестных сел. На нее приходят паломники для того чтобы помолиться Всевышнему при стихийных бедствиях (например, при засухе, проливных или затяжных дождях, граде). Во время молений проводят обряд *зикр* («помянуть Аллаха») и раздают милостыню («садакъа»). На горе Бахарган имеется и родник с це-

лебной водой. Бахарган используют и в обрядах народной медицины: вокруг скал священной горы больные или их родственники трижды описывают круг против часовой стрелки, произнося при этом молитвы об исцелении.

На вершине горы имеется почитаемая жителями местность «ГъиларикГуна», где в прошлом находилось поселение Верхнее Риквани, в котором будто бы обитали горные ангелы («малаикал») *Будалоал*, поэтому его называют еще Абдаладул *Будалоадул* гьон («Селение блаженных *Будалоал*»). С этим селением связано записанное М.А. Агларовым предание, содержащее мотивы библейской легенды о всемирном потопе. Согласно ему, на вершине горы раньше находился аул. Люди там жили в достатке и изобилии, имели тучные стада овец на пастбищах, с неба вместо снега у них сыпалась мука. Однако они не ценили Божью милость, подтирала детей хлебными лепешками, жили в грехе и распутстве. Однажды в село пришел нищий и попросил у его жителей подаяние. Люди побили его камнями и затравили собаками. Приютила нищего бедная вдова, которой он (а в образе нищего был архангел *Джабраил*) подарил кольцо. Нищий велел вдове скатить это кольцо с горы и основать аул там, где оно остановится. (Она основала ныне существующее селение Риквани). Вскоре после того, как женщина покинула аул, начался ливень, подул страшный ветер, и все живое превратилось в камень. Так Всевышний покарал людей этого селения за негостеприимство, грехи и распутство [3, с. 210].

Наличие в качестве атрибута *Цюба* небесного оружия дает нам основание считать этого верховного бога андийцев и громовержцем, который при помощи молний (огненные топоры, лук и стрелы, сабля) карал грешников. Радуга у андийцев называлась «Цюбоб цив» («Дуга [бога] *Цюб*») (с. Анди), «Цюбор цив» («Лук [бога] *Цюб*») (с. Гататли), «Решинолги хелчан» («Небесная сабля») (с. Кванхидатль). С ней у них были связаны определенные верования. Она ассоциировалась с благом и добром. При виде внезапно появившейся радуги приговаривали: «Шулгий бисонтоно!» («Пусть [ее появление] будет к добру!») (с. Кванхидатль) и, обращаясь к Всевышнему или горным ангелам *Будалоал*, просили, чтобы через нее на землю сошли благодать и изобилие (с. Анди). Считали, что если сумеешь пройти под радугой – жизнь продлится. Полагали, что под концами радуги, глубоко под 7 землями находится клад с золотом («мисиди») и серебром («орси»). При виде радуги детей в шутку отправляли искать этот клад. Несмотря на то, что радуга ассоциировалась с благом, было нежелательно находиться под ней – заболеешь (с. Анди).

С радугой связывали и определенные метеорологические приметы. Если в радуге преобладал синий («хьой») цвет, считали, что это к затяжным дождям, если же красный («гъири») или желтый («чакку») – к засушливой погоде. Многократное появление радуги также было предвестником засухи (с. Анди). Если один конец радуги находился в реке – к дождливой погоде (с. Кванхидатль). Верили также, что, если в момент смерти человека шел дождь, а на небе появлялась радуга, значит, он попадет в рай. Если же при ярком солнце вдруг начинал идти дождь, и на небе появлялась радуга, говорили: «Сорой нуса йичомадо» («Лису невесту везут») (с. Анди), «Сорой гьорчи йичомадо» («Лису жену везут») (с. Зило, Кванхидаль).

Стихия ветра в народных представлениях ассоциировалась с образом «Матери ветра», которая у андийцев называлась *Мочилги ила*. Считали, что насылая ветер, Всевышний обновляет мир (с. Зило). При сильном и разрушительном ветре говорили: «*Мочилги ила* пришла» (с. Анди), «*Мочилги ила* разозлилась» (с. Муни). Существовало проклятие: «*Мочилги ила* илуди вулондо!» («Чтобы тебя «Мать ветра» унесла!»). Нельзя было ругать ветер за нанесенный ущерб. При сильном ветре (и громе с молниями), для того чтобы минимизировать его последствия, приговаривали: «Шурлгий бисондо!».

(«Пусть будет к добру!») или обращались к Всевышнему с просьбой, чтобы он закрыл «ветряное отверстие» («мочилги кІал») (с. Анди).

Шустрых мальчиков у андийцев называли «мочилги кІоту» (быстрый, как ветер) (с. Зило), а хвастунов, болтунов и врунов – «мочи пудир» («ветродуй») (с. Анди), «пучи гьекІва» (с. Зило).

Персонификацией божества дождя был ряженный. В с. Зило его называли *Вошониб* («Обвязанный»), в с. Кванхидатль – *Цадаарулги омохи* («Дождевой осел»), в с. Анди и Гагатли – *КІамарачи*. В обряде вызывания дождя – «ца ходир» («прошение дождя») ряженого раздевали догола и рядили в листья белены («набти идия») и стебли высокого кустарника, называвшегося в народе «рикьинльол», таким образом, что они образовывали своеобразный шалашик, под которым он скрывался. В с. Гагатли на голову ряженого надевали еще лопух. Ряженным был обычно мальчик 7–8 лет. В с. Кванхидатль рядили мальчика-сироту 10–13 лет. Иногда в обряде участвовало до трех ряженных. Обряд проводился вечером, в сумерки. В сопровождении таких же мальчиков и подростков ряженный обходил все дома села. Зайдя во двор чьего-либо жилища, участники обряда, обращаясь к Всевышнему, заклинали:

Решинолакку цІца иччо!	С небес дождь дай!
Мисулгику барка иччо!	Из недр (земли) благодати дай!
ЦІца иччо, лъен иччо!	Дождь дай, воду дай!
Лъенссо рохвом гьиро иччо!	Пропитанное рекой, облако дай!

Заслышав закливание, к ним выходила хозяйка и обливала ряженого водой из ведра, а сопровождавших его лиц одаривала продуктами (творог, сыр, лепешки, курдюк, вяленое мясо). Так процессия обходила все дворы своего квартала («авал»). Параллельно в других кварталах села проходили такие же обряды с ряженными. В завершение обряда его участники собирались на *годекане* (место сбора мужчин) своего квартала и, разделив поровну собранные продукты, расходились по домам. Говорят, что довольно часто после проведения этого обряда, шел дождь.

Следует отметить, что ряженные у андийцев участвовали не только в обряде вызывания дождя, но и в других общественных мероприятиях. Они принимали самое деятельное участие в выступлениях канатоходцев, которые разъезжали по селениям и давали представления. В с. Анди и Гагатли такие ряженные назывались так же, как и в обряде вызывания дождя – *КІамарачи*, в с. Ашали – *Пожожо*, в с. Зило – *Балларба*. Ими обычно были двое местных мужчин, которых канатоходцы нанимали за плату. Основной их задачей было поддержание веселья и отвод дурного глаза от канатоходцев во время представления. По общепринятому мнению, действие дурного глаза могло привести к тому, что канатоходец мог сорваться с каната и покалечиться, а ряженные своими действиями отвлекали внимание недоброжелателей от артиста. Ряженные носили войлочные маски, изображавшие козла, они надевали на себя вывернутые мехом наружу овчинные папахи и шубы. За поясом у них висели мешочки с золой и мукой, которыми они бросались в людей, недостаточно плативших за представление. Ряженные старались быть неузнанными, но так как ими из года в год были одни и те же люди, все знали кто они.

Возвращаясь к обрядам метеорологической магии, отметим, что помимо обряда с ряженным, у андийцев существовали и другие приемы вызова дождя. Так, повсеместно при засухе в воду клали череп жеребца. Этот череп хранился у одного из старейшин села. На нем местный религиозный авторитет-алим писал аяты из Корана. Череп, придавив сверху камнем, оставляли в ближайшем водоеме до тех пор, пока не выпадали ожидаемые осадки. По словам старожил, бывало и так, что во время затяжных дождей, для того чтобы их приостановить, жители просили старейшин вынуть этот череп из воды. Помимо этого приема, для того чтобы вызвать дождь при засухе, убивали

змею и клали ее на дороге вверх брюхом либо хоронили недалеко от какого-нибудь водоема.

Свои оригинальные приемы вызова дождя имелись почти в каждом андийском селении. Так, в с. Зило для вызывания дождя старейшины села устраивали моления у святого места «Хохолшуб» («Могила нищего») на окраине села и на почитаемой горе «Щобол гоI». Эти действия, на наш взгляд, восходят к культу святых. В с. Гагатли во время засухи пекли особый ритуальный круглый пресный хлеб «панкьир» и, разделив его на равные куски, раздавали всем жителям села. Эта раздача ритуального хлеба была своеобразным жертвоприношением божееству погоды.

Наряду с обрядами вызова дождя имелись обряды по вызыванию солнца. Их проводили при проливных и затяжных дождях, граде. Повсеместно при этих атмосферных явлениях для их приостановления выбрасывали во двор сковороду (*зайдан*) вверх дном, очажную треногу («*миххи*») вверх ножками и сыпали золу, устанавливали топор (*анжиди*) острием вверх. Чтобы перестали идти затяжные дожди, давали смотреться в зеркало ослу. Читая особые мусульманские молитвы (*дугла*), «дождь связывали» (*ула рошину*). Чаще всего этот обряд проводили в Муни, так как в этом садоводческом селении дожди мешали сушке абрикосов.

Итак, представленный материал демонстрирует сохранившиеся реликты верований андийцев в персонифицируемые небо, небесные светила, атмосферные явления и верховные божества, которые входили в прошлом в их языческий пантеон. Эти верования органически вплелись в исповедуемый андийцами ислам, придав ему синкретический характер.

Наряду с божествами и их персонификациями в мифологии андийцев сохранилась вера в демонические персонажи. Одним из таких персонажей была мифическая «домовая змея». Говорят, что не бывает дома, в котором не было бы «домовой змеи». В с. Анди ее называли *Гьакьулъи берча*, в с. Гагатли – *Гьакьулъи берка*, в с. Муни – *Гьакьулъи бирка*, в с. Кванхидатль – *Аваллъи берка*, в с. Зило – *Милкилъи берка*. По свидетельству якобы видевших ее людей, она длинная (с. Зило), с локоть длиной (с. Анди, Гагатли, Кванхидатль), толстая (с. Муни), толщиной в палец (с. Анди, Гагатли, Кванхидатль), пестрого (с. Анди, Гагатли), желтого (с. Кванхидатль) или черного цвета (с. Зило) или же разноцветная (с. Муни).

Обитала она будто бы под фундаментом дома (с. Анди), в его стене (с. Анди, Гагатли, Муни, Кванхидатль), в пространстве над порогом (с. Гагатли) или на потолке (с. Муни). Ее не убивали – к смерти хозяина дома (с. Анди), к болезни домочадцев (с. Муни). Для человека она безвредна. Говорят, что она препятствовала проникновению в жилище обычных ядовитых змей (с. Кванхидатль). Для того чтобы отличить ее от обычной змеи, необходимо было трижды произнести мусульманскую формулу единобожия «Шагдада». Если после этого змея не исчезала, значит это была обычная змея и ее следовало непременно убить (с. Зило).

С наличием в доме «домовой змеи» связывали присутствие в нем достатка и изобилия («баракат»). Интересно отметить, что в с. Гагатли благополучие и достаток, наряду с «домовой змеей», связывали и с присутствием в доме также мифического и зооморфного (в образе ласки, куницы, хорька) существа *Итракьуси*, якобы обитавшего в стене жилища.

Обычно «домовая змея» была безмолвна, но иногда она обнаруживала свое присутствие звуками: из стены слышался шум, напоминающий тиканье часов (с. Анди).

Домовой у андийцев назывался *Чинкал* («Тряпка») (с. Анди), *Челкан* («Тряпка») (с. Ашали, Гагатли), *Чинквел* («Тряпка») (с. Зило), *Чивкан* («Тряпка») (с. Муни), *Писусур* (с. Кванхидатль). Его представляли в аморфном, зооморфном и антропоморфном обликах, что видно из следующих фраз при его описании: «что-то похожее на тряпку»

(с. Анди), «что-то мягкое», (с. Гагатли), «величиной чуть больше кошки», «с хвостом» (с. Гагатли), «волосы как у кошки», «величиной с кошку», «ползает», «ходит на четырех лапах» (с. Зило), «волосатый», «мужского пола» (с. Муни), «не мужского и не женского, а среднего пола» (с. Кванхидатль), «тяжелый» (повсеместно). Где он обитает – неизвестно.

Для контакта с человеком домовый приходил в дом извне ночью (с. Гагатли), после полуночи (с. Муни, Кванхидатль). Обладая способностью открывать все закрытое (с. Кванхидатль), домовый проникал даже в запертое жилище (с. Муни) через порог (с. Гагатли, Кванхидатль) или дымоход (с. Зило). Был только слышен шум от топота его ног и скрипа открываемой двери, когда он входил в комнату. Проникнув в жилище, домовый наваливался на человека, спящего на спине и в одиночку, и душил его своей тяжестью. Человек, на которого упала тряпка («Чинкал букку») (с. Анди), сел Чинквел («Чинквел гьобкю») (с. Зило), лег Писусур («Писусур гирди») (с. Кванхидатль), цепенел, не мог пошевеливать ни одной частью своего тела, начинал хрипеть и задыхался. По поверью, у домового не было одной ноздри, благодаря чему человек, на которого он навалился, имел возможность дышать одной ноздрей. В противном случае домовый передушил бы всех людей. Имелось представление, что если человек сопротивлялся домовому и сумел при этом пошевеливать пальцем руки или ноги, то тот сползал с него и уходил. Несмотря на злокозненные действия, андийцы не относили домового к разряду нечистой силы, хотя после его визитов люди заболели. И в это время верили, что если сумеешь пойти вслед за ним и пересечь при этом реку, то исполнится любое желание (с. Гагатли).

Домовый обладал волшебным предметом – шапкой-невидимкой (с. Гагатли, Муни), шапкой Писусура («Писусуролъи тлогъора», «Писусуролъи къота») (с. Кванхидатль), мужским головным убором *такъия* или женским головным убором *чухтлу* черного цвета (с. Зило). Эту волшебную шапку домовый носил на себе или же, прежде чем зайти в комнату и навалиться на человека, клал в дверной проем (*гъаркъун*) (с. Муни, Зило). Верили, что, если сумеешь выскользнуть из-под домового, схватить шапку с дверного проема или сорвать ее с его головы и надеть на себя, будешь невидим (с. Кванхидатль), он исполнит любые твои желания (с. Гагатли), предскажет судьбу (с. Кванхидатль), будешь всю оставшуюся жизнь жить в достатке (с. Зило), больше в этот дом он уже никогда не придет (с. Муни). Для того чтобы стать обладателем волшебной шапки, нужно было добежать с похищенной у домового шапкой до порога. Дальше (граница миров) домовый не преследовал. Но, как говорят, сделать этого не удавалось никому, т. к. домовый достигал похитителя, отбирал свою шапку и с размаху бил человека своей лапой по задку. Отпечаток от пятерни домового навсегда оставался на теле человека, и его невозможно было скрыть никакой одеждой. Материя на этом месте будто бы постоянно рвалась. Даже в наши дни, если видят на человеке порванную одежду, его в шутку спрашивают: «Домовой ударил что ли?» (с. Зило, Муни, Кванхидатль).

Для того чтобы обезопасить себя от визитов домового, перед сном трижды читали молитву «Къулгъу» (с. Кванхидатль) или аят «Курси» из Корана (с. Анди), клали под подушку кинжал, нож, ножницы, серу (с. Анди, Гагатли, Зило), амулет с вшитым вовнутрь листочком, на котором были написаны аяты из Корана (с. Муни).

Следует отметить условность отнесения к домовым андийских мифологических персонажей, приходящих для контакта с человеком в дом извне для того, чтобы, навалившись, душил его. Помимо того, что локусом обитания этих амбивалентных (с некоторыми функциями демона болезни) персонажей являлся не дом, у них были слабы собственные домовым патронажные функции. Происхождение образа домового исследователи относят к тому времени, когда с разложением родового строя отдельная

семья сделалась самостоятельной общественной единицей. В основе возникновения этого образа лежит культ предков [5, с. 97].

Мифический персонаж, крадущий плод у беременных женщин, называется у андийцев исламским термином *малаик* (ангел). Он крадет плод не у всяких, а у богобоязненных и благочестивых женщин. Женщина ложилась спать беременной, а утром обнаруживала отсутствие плода. Боли при этом она не испытывала. Крали шестимесячный (с. Гагатли) плод мужского пола, что видно из фразы «МочИи бурсду» (Мальчик улел), которую произносили в таких случаях. В с. Зило говорили: «Малаикади вухий» (Ангелы забрали).

На полу у двери (с. Анди) или на самом пороге (с. Гагатли) *малаик* оставлял несколько капелек крови как знак своего пребывания. В с. Кванхидатль, как говорят, мать находила кровавый отпечаток ноги своего ребенка на пороге или ларе с мукой. В с. Муни в этом случае обнаруживали несколько капелек крови на пороге и отпечаток руки ребенка на ларе с мукой. Женщина после кражи плода в дальнейшем могла еще иметь детей. В с. Муни верили, что если ангелы направлялись с украденным плодом в засушливое место, то детей у женщины не будет еще 7 лет, а если во влажное – сможет скоро родить.

По рассказам, украденный ребенок незримо оберегал свою мать вплоть до ее смерти (с. Кванхидатль). Говорят, что после смерти такие женщины попадали в рай. Украденных детей ангелы будто бы уносили на седьмое небо (с. Зило), где они затем сами превращались в ангелов (с. Анди, Гагатли, Зило).

В некоторых селениях считали, что крали плод у женщин горные ангелы – *Будалол* (с. Кванхидатль), *БудагИол* (с. Муни). Они обитают высоко в снежных горах, покровительствуют диким животным и охотникам. При краже плода горные ангелы также оставляли капельки крови на пороге жилища как знак своего пребывания. Обнаружив исчезновение плода, произносили фразу: «Будалолуди мийон» («*Будалол* унесли»). Куда *Будалол* девают украденный плод неизвестно. Полагали, что впоследствии украденные дети жили среди *Будалол* как святые, а родители встретятся с ними на том свете в раю. Считали также, что *Будалол* крали плод не только у людей, но и у коров (с. Кванхидатль).

Андийцы верят, что если ребенок улыбается во сне, значит, он видит своего ангела.

Наряду с благодетельными или амбивалентными персонажами в мифологии андийцев сохранилась вера в демонов, которые, по рассказам, были опасны для человека. Вера в подобный персонаж – *Решлги йоши* («Дочка леса») – сохранилась в с. Анди. По рассказам людей, будто бы видевших ее, она – женщина-девственница, средних лет, безобразного вида, огромного роста, с нечесаными волосами, носит грязные лохмотья. Обитает в лесу, горах, оврагах, пещерах, свое присутствие обнаруживает, издавая громкие крики. Она в особенности агрессивна по отношению к людям, которые были объектом ее нападений. Злых, напористых женщин андийцы и сейчас называют ее именем.

Интересно отметить в этой связи, что в с. Зило птицу, похожую на голубя с длинным хвостом, издающую пронзительные крики, также называют *Решлги йоши*.

Подобный мифический персонаж в с. Кванхидатль называется *Цадиралай*. Этот демон женского пола также обитал в лесу, в пещере, им пугали детей: «*Цадиралалти* вунне мен» («*Цадиралай* заберет»), «*Цадиралай* кьорде денни, мен вучунну» («Я позову *Цадиралай*, забрать тебя»). Злых, сварливых женщин называют ее именем.

В с. Муни детей, которые ночью не хотели вовремя ложиться спать, пугали другим мифическим персонажем: «*КъватИулги илади* воиневи» («Мать улицы» заберет»). По рассказам людей, будто бы видевших этот персонаж днем в темных закоулках одного из кварталов села, *КъватИулги ила* – страшная, одета в лохмотья. В с. Зило непослуш-

ных детей пугали другим демоном: «*Хвадралайди* вуиния» («*Хвадралай* заберет»). *Хвадралай* представляли в образе огромной женщины безобразного вида с большими руками, обитавшей у речки, в темных ущельях или на мельнице.

В с. Муни сохранилась вера в демонического персонажа *Букъурльи ила* («Мать болезней»). В прошлом при эпидемии холеры («ваба») говорили: «*Букъурльи ила* гьиоло» («Мать болезней» пришла»). Для того чтобы обезопасить людей от смертельного воздействия «Матери болезней», варили ритуальное варево «гъуди» из смеси 9 злаковых и бобовых культур, которым поливали по периметру всю территорию села, очерчивая своеобразный магический круг, через который «Мать болезней» не могла перейти. Примечательно, что в верованиях жителей с. Зило произошла контаминация образов «Матери болезней» и больного: если человек часто болел, говорили, что он – *Рукъурльи ила*.

В мифологии андийцев сохранилась также вера в ведьму *Хъартай*. Она страшная, с клыками и когтями, с потрескавшейся на руках и ногах кожей. Обитала в лесу. Сварливых женщин и сейчас называют ее именем. Верили в ведьму *Хъарт/Хъартай/Хъартиле/Гъартай* и аварцы.

Кладбищенский демон, известный у других народов Дагестана как «Голодный дух», у андийцев называется *Жъаназа*. Полагают, что это неприкаянный дух мертвеца, который не получил достаточно заупокойного подаяния («садакъа»). Он бродит в образе бестелесного или вполне осязаемого существа и пугает путников. Это нечто белое, протяженное от земли до неба. *Жъаназа* можно обнаружить и в заброшенном жилище. По верованиям андийцев, дух исчезал, если залаяла собака [3, с. 220–221]. Для того чтобы уберечь себя от встречи с «Голодным духом» *Жъаназа*, андийцы при раздаче милостыни и завершая трапезу, произносили следующую фразу: «*Воч!обулуб шаноло беxъальо!*» («Пусть насытятся души умерших!»).

Изучение мусульманских мифических образов (ангелы, святые, пророки, гурии, джинны и шайтан) не входит в задачу нашего исследования, однако иногда под их личиной скрываются мифологические персонажи местного происхождения. К таковым у андийцев чаще всего относятся джинны («жженал», «жженалол») и шайтан («шайтан»). Андийцы в большинстве случаев не делают различий между этими персонажами. По общепринятому мнению, нечистая сила может принимать человеческий облик, но распознать демонов можно по их волосатому лицу, мохнатым бровям, заостренным чертам лица, разрезу глаз не вдоль, а поперек, и пяткам, вывернутым наружу. Джинны носят белые одежды (с. Гагатли). Они могут называться человеческими именами. Рассказывают, что однажды к одному человеку подошли две девушки. Он спросил их: «Как вас зовут?». Они ответили: «Нас зовут ИбакГильи Бирило и ИбакГильи КъицЦрило». По вывернутым наружу пяткам девушек мужчина догадался, что это были джинны. После того, как он произнес молитвы, девушки исчезли (с. Анди). Подобные истории, как говорят, случались и в других селениях.

Обитают джинны и шайтан в местах, куда выбрасывают мусор, навоз и нечистоты, в заброшенных постройках, на мельницах, кладбищах, берегах рек, полянах, в стоячих водах, скалах, горах, лесу. Рассказывают, что при въезде в с. Инхело имеется гора, внутри которой будто бы находится город джиннов. Как считают старожилы с. Гагатли, джинны обитают в находящейся недалеко от их села пещере, в местности «Инштуха». Однажды джинны будто бы задумали насильно женить парня из этого села на женщине из их среды. Они обманом завлекли его в эту пещеру, но он, догадавшись, что имеет дело с нечистой силой, смог сбежать оттуда.

В с. Зило локусом обитания шайтанов считают местность «Омор», где имелось небольшое болотце, и ущелье «Шайтанашу». В с. Муни полагают, что нечисть водится на «Темной улице» («БотИ микъи») внутри села. Там будто бы имеется место их сбора,

общественная площадь – *годекан*. В с. Кванхидатль местом обитания шайтанов считают местность вблизи «Новой дороги» («Циму жиб»), пролегающей к северу от их села.

Говорят, что, находясь в темное время суток вне пределов селения, в лесу, в горах, иногда можно слышать, как черти веселятся, пируют, танцуют, справляют свадьбы. Если человек ночью заставал джиннов за таким весельем, те старались вовлечь его в танцевальный круг и заставляли танцевать до изнеможения. По вывернутым наружу пяткам человек догадывался, что попал к джиннам и, прочитав молитву, высвобождался из их общества.

Нечистую силу андийцы делили на мусульманских джиннов («бусурман жженал») и шайтана («бусурман шайтІан») и на неверовавших джиннов («капур жженал») и шайтана («капур шайтІан»). Самым коварным джинном считался дьявол *Илбис*. По общепринятому мнению, мусульманские джинны и шайтан помогают отдельным людям в домашних делах и хозяйственных работах, сокращать путь в дальней дороге. Злые духи сбивают человека с пути истинного, заводят в пропасть, склоняют к греховному, подбивают на несправедливые поступки. Говорят, что у каждого человека есть свой ангел, который оберегает его, и есть свой шайтан, который подбивает его на греховные поступки. То, что заболит у человека, якобы болит и у этого шайтана. Повсеместно запрещалось ночью выливать воду за порог жилища, так как можно было нечаянно окатить ею шайтана. Шайтан мог за это наказать человека – наслать на него какую-нибудь болезнь, чаще всего паралич. Паралич якобы наступал обычно от пощечины, которой награждали людей джинны, которых те по своему неведению окатывали водой или ударяли брошенным камнем (с. Кванхидатль). Паралич лица объясняли еще и тем, что эту часть тела человека «схватил джинн» («жженалиди вуччиду кьвоселльиду») (с. Анди, Муни). Для того чтобы нечаянно не окатить водой шайтана, выплескивая ее в вечернее время за порог, сперва трижды плевали на то место, куда хотели вылить воду, а затем произносили мусульманскую формулу «Басмалла» и осторожно, без брызг, выливали ее (с. Зило). Чтобы шайтан не смог навредить человеку, особыми молитвами и приемами «завязывали шайтана» («шайтІан бошинну»).

Некоторые психические заболевания объясняли тем, что в человека вселился шайтан. Таких людей называли «женалиша шайтІамаша» («люди с джинном и шайтаном в себе») (с. Зило). О человеке, одержимом нечистой силой, говорили, что джинн «вошел в него» («хьубилло вуо»). Для того чтобы излечить такого больного, резали черную курицу, свежевали и варили ее на медленном огне. Затем вареную тушку хоронили в укромном месте вместе с перьями и внутренностями. Туда же сливали и бульон. Больного окропляли наговоренной водой (с. Кванхидатль). Имелись и знахари, умевшие изгонять шайтана из одержимого нечистой силой человека (с. Гагатли).

По поверьям, в каждом селении были люди, будто бы общавшиеся с потусторонним миром. Например, в с. Муни такой дар приписывали умершей более 15 лет назад жительнице этого села по имени Осшат. Считали, что все домашние работы у нее выполняли джинны. Она побаивалась рассказывать об этой помощи людям, так как, по ее словам, джинны избивали ее за это и переставали помогать по хозяйству. К ней обращались за помощью люди, которые, по общепринятому мнению, пострадали от козней джиннов, чаще всего с параличом лица. Как говорят, она, общаясь с миром джиннов, прописывала больным лекарства для исцеления.

Итак, джинны и шайтан у андийцев имели амбивалентную природу и отличались от их коранических прототипов. На эту двойственность нечистой силы в мифологии дагестанцев обратила внимание М.Р. Халидова. По ее мнению, шайтан в дагестанском фольклоре выступает и как положительный, и как отрицательный персонаж. В неоднозначности образа шайтана у дагестанцев заключается отличие его от черта, который у русских выступает только как злая сила [6, с. 272]. Если коранический шайтан – «враг

Аллаха», «главный антагонист Бога и рода человеческого, царь ада и повелитель бесов, воля и действия которого есть центр и источник мирового зла» [4, с. 477], то у андийцев и других дагестанцев он имеет отрицательные и добродетельные черты, помогает человеку в выполнении различных хозяйственных и домашних работ. Это обстоятельство свидетельствует о том, что с принятием ислама джинны и шайтан у андийцев и других дагестанцев вобрали в себя некоторые черты духов местного происхождения, придав им в основном негативную характеристику.

Таким образом, изучение мифологических персонажей традиционных верований андийцев показало, что, несмотря на многовековое исповедание ими монотеистической религии ислам, в их духовной культуре довольно устойчиво сохранились образы и характеристики божеств и демонов былого языческого пантеона и пандемониума. Данное обстоятельство свидетельствует о синкретическом характере традиционной духовной культуры андийцев, сохранении в ней реликтов прежних форм религии при господстве исламской идеологии и культуры. Дальнейшее изучение мифологических образов перспективно в плане воссоздания более полной картины традиционной духовной культуры андийцев и других народов Дагестана.

Литература

1. *Агларов М.А.* Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. – Махачкала, 1984.
2. *Агларов М.А.* Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦЮб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. – Махачкала, 1988.
3. *Агларов М.А.* Андийцы: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2002.
4. *Пиотровский М.Б.* Иблис // Мифы народов мира: энциклопедия; в 2 т. / отв. ред. С.А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1.
5. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX в. – М.: Л., 1957.
6. *Халидова М.Р.* Демонологические рассказы // Традиционный фольклор народов Дагестана / отв. ред. Г.Г. Гамзатов, У.Б. Далгат. – М.: Наука, 1991.

Поступила в редакцию 19 августа 2013 г.